

ARS INTERPRETANDI

Вергилий. Георгики. Книга IV

ПЕРЕВОД ЕЛЕНА ИВАНЮК

ОТ РЕДАКЦИИ

Хотя, с одной стороны, новых стихотворных переводов с классических языков сейчас делается очень мало, с другой, существует такое многообразие переводческих тактик, которых не было в истории русской словесности. Традиция перевода “размером подлинника”, в советское время рассматривавшаяся как нормативная и единственно возможная, на самом деле распространилась менее ста лет назад, а закрепились ещё позже. Хотя она создала как непреходящие образцы русского воплощения классической поэзии (Гомера Гнедича и Жуковского), так и основную массу её переводов, широкодоступных, привлекаемых в учебном процессе и занимающих место, которое можно назвать “античной литературой по умолчанию”, у нее немало недостатков. Часто забывают, что она основана на имитации условного школьного скандирования классических стихов, а вовсе не греческого и римского стихосложения, которое средствами русского языка невоспроизводимо. Эта имитация условных школьных приёмов иногда доходит до такой крайности, при которой теряется всякий смысл (ср. переводы Ю. Голубца и М. Амелина). Кроме того, во время создания основной массы переводов “размером подлинника” работа над ними иногда шла так же механически, как механически был задан имитируемый размер. Хорошо ещё, что в области перевода ан-

тичной поэзии не доходило до часто применявшейся системы "разделения труда", когда профессионал, знающий язык, делал подстрочник, а "поэт" укладывал его в стихотворную форму. Именно интересы и привычки профессионалов заставляют ставить на место перевода прозаический подстрочник. Будучи, несомненно, хорошим решением для параллельного издания, в котором он помогает разбирать оригинал (и само такое издание имеет смысл только при наличии достаточного количества людей, знакомых с классическими языками, но не занятыми ими профессионально – а такого в России нет), сам по себе такой подстрочник вообще не является единицей перевода, произведением, которое можно читать само по себе. Когда такой подстрочник разбивают на строки, он начинает выглядеть верлибром, а если разбивать его на строки самостоятельно и прихотливо, он начинает граничить с "переводом верлибром". Иногда приходится слышать, что как современная поэзия почти целиком обратилась к свободному стиху, так же к ней необходимо должен обратиться и стихотворный перевод. Но в этом на самом деле нет никакой необходимости. Выбор верлибра, для передачи любого из размеров оригинала, сам по себе ничуть не менее произволен, чем выбор для этой цели, скажем, стиха частушек. И на этом фоне становится возможен как возврат к классической системе размеров, закреплённых за жанрами и по мере возможностей имитирующих такое же закрепление за жанрами размеров античной поэзии (однако совсем других размеров), так и любой эксперимент с жанрово-метрической формой – включая даже "размер подлинника", который тоже рано списывать со счетов, как и верлибр, потому что пути поэтической удачи непредсказуемы. Одним из таких экспериментов можно считать предлагаемый перевод.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

А ныне скажу я о даре небесном,
Воздушном творении, мёде. И взгляд
На этой главе задержи, Меценат.
Ведь жалкие вещи явленьем чудесным
Предстанут тебе: и отважных душою
Пчелиных вождей опишу, и не скрою
Пчелиного рода труды; по порядку
Скажу о народах, сраженьях, повадках. 5
Над малым работа, но слава пребудет
Немалой, коль боги не ставят препон,
И слышит моления мои Аполлон.

Пускай пчеловода стремленье понудит
Для дома их место найти, где свободы
Не ведает ветер. Питанье для мёда
В жилище с полей приносящей пчеле
Помеха – ветра. Пусть, скача по земле, 10
Бодливые козы и овцы не мнут
Цветов. И, по полю блуждающей, тут
Не место корове: росу, коль захочет,
Стряхнёт и высокие травы затопчет.
Чешуйчатой ящерке пёстрой соседом
Не быть для пчелы. А иное условие:
Пусть пчельник вовек не найти пчелоедам
И прочим пернатым, и Прокне, что кровью 15
Нагрудник окрасила. Опустошенья
Пернатые сеют: пчелу на лету
Хватают, а после приносят во рту
Птенцам бессердечным своё угощенье.
Пусть рядом источники влажные будут;
И мохом пускай зеленеют запруды;

Прозрачный бежит средь травы ручеёк;
 Над ульем же пальма иль мощный дичок –
 Маслина – нависнет затем, что весною, 20
 Лишь пчёл приведут предводители роя,
 Цари его новые, выйдет из сот
 Весной насладиться и юный народ –
 И берег-сосед их укроет от зноя,
 А дерево пчёл привечает листвою,
 Встречая как путников. Ты в середине
 Бегущей воды иль недвижимой вовсе, 25
 Поток пересечь позволяешь лозине
 Ивовый. И камни огромные – брось их
 В поток: и, на мост приземляясь, пчела
 Под солнцем палящим тогда бы могла
 Расправить крыла. Знай, ведь Эвр, бывает,
 Дождём опоздавших кропит иль купает
 В Нептуне. При ульях зелёным кольцом
 Пусть будет душица и зелень тимьяна 30
 Что издали слышен; и пахнушим пряно
 Пусть будет напитано всё чабрецом;
 Фиалкой цветущей и пьющей ручьи,
 Что рядом текут... Да, а ульи твои
 Сплети из податливых лоз иль пустою –
 Кусочек к кусочку – скрепи берестою.
 Пусть тесными будут пчелиные входы: 35
 Морозной зимою, застыв, неминуче
 И мёд затвердеет! И он же текучим
 От зноя бывает. И пчёлам и мёду
 Что холод, что жар неизменно опасны:
 Пчела укрепляет свой кров не напрасно,
 И воском – трудясь в достижении цели –
 Наполнит сквозящие тонкие щели,
 До края обмазав жилище нектаром.
 И собранный клей сберегает недаром, 40

Что липче Идейских омовых смол
Из Фригии. Часто – правдива молва ли? –
И в норах прорытых пчелу заставляли
Средь Ларов подземных. И видели пчёл
В изъеденной полости древа, в пустотах,
Что в пемзе. И ты, проявляя заботу
Подобную, тиной легчайшей отверстья 45
Замажешь; пчелиные спальни-покои
С прорехами сверху укроешь листвою.
Пусть тисов при ульях не будет. В том месте
Румяного рака огнём не пали;
И бойся глубоких трясин: от земли
И дух там тяжёл, и ударится звук
О вогнутый камень гудящий – в движенье
Обратном вернётся его повторенье. 50

Что далее?.. Только лишь солнечный круг
Златой изгоняет морозную зиму
Под землю, и, светом и жаром палимо,
Прояснило небо – уж носятся пчёлы
Грозою пурпурных соцветий; и долы
И лес посещают. И самую кромку
Воды – невесомые – пьют. Веселы 55
В ту пору они. (Но восторга пчелы
Причин я не знаю.). Жильё и потомков
Они опекают. Тогда же и новые
Лепят искусные соты медовые,
Делая вязкого мёда запас.
Тогда, если рой до небесных светил,
Из полых жилищ поднимаясь, поплыл
В расплавленном зное; и, туче дивясь,
Огромной и чёрной – что ветром несомы – 60
Ты это увидел... всмотришь! Ведь из дома
К воде родника под зелёный навес
Они полетят. И рассыплешь тогда ты,

Какие скажу я, для пчёл ароматы:
Простой медонос и растертую здесь
Мелиссу клади. Сделай так совокупно
С бряцаньем и звоном Кибелина бубна!
Тогда ты увидишь, что пчёлы присели 65
В пропитанный запахом дом; в углубленья
Пчелиным обычаем, как в колыбели,
Залезли они... А затеют сраженье –
(Случается, станут друг другу чужды
Цари их от смут и великой вражды.)
Заранее видно! К такому почину
С воинственным трепетом в сердце пчелином
Отважный народ устремился: трубою,
Звенящею медью, зовёт за собою 70
Медлительных Марс; их гудение странным,
И резким, как горн боевой, и гортанным,
Становится тотчас. Дрожа в напряженье,
Слетаются вместе они. Заостряют
носы (где их жало-таран)... И движенья
Их крыльев часты! Вот себя снаряжают,
А лапки – оружие их. И при том
И царский военный шатёр, и владыку
Все пчёлы обступят; роятся гуртом, 75
Мешаясь друг с другом; и силою крика
Врага вызывают они. Посему
Весной, под безоблачным небом – ему
Лишь поле откроется – тотчас из врат,
Кучась, вылетает пчелиный отряд.
Становится гулом. К эфирным высотам,
Смешавшись, поднимется. Шар закруглит.
И – камнем падёт. Даже град, коль идёт он, 80
Так часто не сыпет; с дубов не летит,
Так бурно стряхнувшись, поток желудей.
Средь войска приметнее крылья царей:

В их малых сердцах заключён величавый
Воинственный дух. И не мыслят о сдаче,
Пока победитель, грозящий расправой,
Одних иль других обратит не иначе,
Как в бегство... Но войны такие и пыл 85
Их душ и песок без труда бы смирил,
Хоть жалкою горстью он брошен тобою.
А после врагов-полководцев из строя
Зови. И, увидев, который слабей,
Его – он ведь в трутня распухнет! – убей.

А лучшему царством, что ныне пустует, 90
Позволь овладеть. Кто из них позолотой
Чешуек на крыльях блистает, того ты
Возьми. Потому что у пчёл существует
Два вида: чей облик приятней – сильней
Такая пчела; точно золото на ней
Чешуйки – на крыльях пятнистых горят!
Другой же их царь и ленив, и космат,
Бесславен в трудах, и раздутый живот
Влачит он... Как выглядит царь, то едины 95

По облику будут и простолюдины:
Один подчинённый пчелиный народ
Противный, лохматый, на нём волоски.
Как путник – в пустыне он шёл чрез пески,
И ртом пересохшим он пыль извергает,
И жаждой иссушен. Другие сверкают,
Пылают, трепещут сиянием; верно,
Что тельца обрызганы их равномерно
Как будто бы каплями золота... Род
Таких – наилучший. Как время придёт, 100
То сладкого мёда их соты отжатые
Выльют тебе. Сладкий мёд! И текуч он,
Чтоб Вакхову влагу смягчить горьковатую.

Если взлетают под самые тучи
Рои и бесцельно играют, и соты
Забиты, и стынут дома без работы,
Их нрав переменчивый, склонный к игре 105
Смири. И трудиться не нужно, в царе
Всё дело: их крыльев лиши. Ни одну
Пчелу – если царь у неё усмирён –
Не вынудит дерзость взлететь в вышину,
Боёв пожелать и военных знамён.
Пусть сад, напоённый цветами шафрана,
Зовёт их. Приап же – от вора и птицы 110
Защитница-статуя Геллеспонтийца
С ивовым серпом – да пребудет охраной.
Но сам чабреца и сосён принесёт,
С высоких нагорий собрав, пчеловод;
С усердьем при ульях посадит. Тогда
Он сам до мозолей сотрет от труда
Тяжелого руки; и сам черенками
Посадит растения – те, что цветками
И духом богаты; и сам, оросив
Дождём благодатным, свершает полив. 115

Конечно!.. Когда бы уже не пришлось
Мне парус свернуть в завершение дел,
Корабль же свой, повернув его нос,
К земле устремить, я бы, может, пропел
О том, как добиться роскошного сада,
Возделав его. И – цветущие кряду
Два раз за год – я воспел бы твои 120
Садовые розы, о Пестум. А вскоре
Сказал бы о том, как желает цикорий
С зелёной прибрежной петрушкой ручьи
Текучие пить. Описал бы потом,
Как вьётся средь трав огурец , животом

Раздутым затем становясь. Описаньем
Нарцисса, который цветёт с опозданием,
Прибрежного мирта продолжил бы... Нем ли
Я был о белёсом плюще, и о стебле
Витого аканфа? Я помню: у башен 125
Эбаловых стен, средь рыжеющих пашен,
Где влагой чернеет Галез, старика я
Знавал. Тот – из Корики родом – имел
Давно позаброшенный всеми надел.
Да, жалкие югеры... Почва такая
Не шла ни скотине, ни Вакху. И бык
Напрасно пахал бы её! Но старик
В терновниках овощи сеял. И тут 130
И белые лилии он, и вербену,
И маков – цветов, истощающих грунт –
Немного, но смог уместить, неизменно
Считая, что царское это богатство...
И позднею ночью, лишь только пришёл
Домой корикиец, он тотчас же стол
Едой отягчил. И домашние яства
Старик выставляет! Он первый берёт
И розу весной, и по осени плод.
И даже унылой зимою, что льду
Позволит на быстрюю реку узду
Надеть, а морозу – скалу раздробить, 135
Нежнейшие кудри уже, может быть,
Срезает старик гиацинтам. «Выходит, –
Бубнит он, – что позднее лето, и бродят
Зефиры далёко...». Да, первым такой
Потомство от пчёл, прибавление в рой
Получит; всех раньше, собирая по сотам, 140
Подёрнутый пеною мёд отожмёт он.
Ведь липы и сосны, что мёду питательны,
Здесь же растут. Сколь на древе плодовом

Зародышей в каждом цветении новом,
По осени столько же их обязательно
Зреет. И рядом сажает садовник
И твёрдую грушу; и взрослый терновник,
Что в ягодах весь, на подобье сливовых. 145
И вязов больших; и платанов, готовых
Обширной услужливой тенью укрыть
Того, кто, воды собираясь испить,
Приблизился к ним, этот пасечник в сад
Принёс, но... желая причалить, зажат
Я в строках! И ныне теснит расстоянье,
Не равное с темой. Продолжить рассказ,
О вы, кто за мной устремится! для вас
Оставлю её, пребывая в молчанье.

Что ж, ладно. Какую Юпитер природу
Особую дал для пчелы? Вот об этом 150
Скажу. Совершил это пчёлам в угоду
Царь неба: ведь медью звенящим Куретам,
Их зову певучему, следом пчела
В ущелье Диктейское пищу несла
Юпитеру. Только у пчёл – у какого
Ещё существа? – дети общие. Град
Лежит под укрытием общего крова
Лишь только у пчёл. И они лишь влачат
Свой век под великим законом. Лишь им

И родина ведома. Только к своим,
За дом признавая, стремятся Пенатам. 155
И помня, что холод наступит когда-то
Зимою, всё лето народец пчелиный
Старается, чтобы, собрав воедино,
Совместно припасы хранить. И о пище
Печётся лишь часть их народа: они

Средь поля – когда так условлено – рыщут.
Подобно и с крепостью-домом: одни
Промажут внутри его клеевым глётот 160
Коры и нарциссовым соком – прозрачен
Он будто слеза... А иной предназначен
Сначала творить основание сотам,
А поверху воск налепляет он цепкий.
В опеке другого – подросшие детки,
Надежда для рода. А кто-то несёт,
Текучим нектаром вместилища сот
Обильно наполнив, и мёд первозданный .
Вот жребий кому-то достался охранный:
И пчёлы стоят на посту у ворот. 165
Иль тучи на небе? Иль дождь? – в свой черёд
Охранник следит, как выходит в дозор;
И груз у пришедших берет он. Отпор
И трутням дают, нерадивому стаду,
Те пчёлы, при крепости строясь в отряды.
И – дело бурлит и клокочет; и мёд
Душист и тимьяном слегка отдаёт...
Всё так у Циклопов: вот эти – из всех
Они лишь – перуны, куя, мастeryт 170
Из плавленной глыбы металла. Те – мех
Бычачий раздуют: то внутрь то назад
Гоняют в нём воздух. Иным же пригодное
Дело – шипящую молнию в водное
Озеро-чашу макать. И ответно
Внутри находящимся кузницам Этна
Стеная, гудит. От великой работы
И руки Циклопы подьемлют с трудом 175
Совместно стараясь : железо – по счёту –
Раз! цепко щипцами захватят, потом
За миг повернут. И у пчёл из земель
Кекроповых – всё же возможно сравнение

Огромного, думаю, с малым? – влечение
Любовное есть к собиранью. Но цель,
У пчёл от рождения одна, и даёт им
Для каждой – свой долг. Те, кто старше, заботам,
И дома, и сот укрепленью – без малого
Скрыто под крышей строенье Дедалово! –
Преданы верно. А юной пчеле,
Что лапки в чабрец погрузила, во мгле 180
Домой возвращаться, себя утомив –
Заданье. Пред тем с земляничника, с ив
Листвы серебристой, с душицы, с шафрана
Румяного, с лип, на цветенье богатых,
Ещё с гиацинтов, на вид буроватых –
Везде – собирает она неустанно
Питанье. Как труд их совместен, то им
И отдых на всех: и одним, и другим.
Вот утром, не медля, несётся из врат 185
Их рой. Но лишь с пастбища-луга назад
Их вечер призвал наконец-то – влетели
Все в улей; едят и о прочем – о теле –
Забоятся шумно: бормочет чертог
Гуденьем от края до края; порог,
Облепленный пчёлами, также звучит...
Но вскоре, уснувшая в спальне, молчит
Пчела, и уж сон опускается сладкий
В ночи на усталые крылья и лапки. 190
И пчёлы – коль дождь угрожает – от улья
Далёко лететь не хотят; а подули
Лишь Эвры, то свой не доверит полёт
Пчела небесам; но, желая спасенья,
При улье своём, городском укрепленье,
Лишь краткие вылазки делая, пьёт.
И камешек часто – ведь в шаткий челнок,
Носимый волнами, кладём мы песок – 195

Поднимет пчела: для неё в небесах
Воздушных он – будто бы груз на весах.
А нравы у пчёл – к твоему удивленью
Насколько милы им, сказать не берусь! –
Такие: не вступят друг с другом в союз
И тело не мучат Венерой. Рожденье
Детей не терпела в усильях пчела:
Она их сама среди листьев нашла
И сладкой и вкусной травы; и устами 200
Домой принесла. Пчёлы нового сами
Царя изберут и Квиритов-юнцов,
И новых из воска дворов и дворцов
Пристроят для них. Часто даже своё
Крыло о безжалостных скал острие
Истреplet пчела, заблудившись в полёте,
И дух добровольно испустит в работе
Под ношею: слава за мёд велика.
Сильна и любовь к аромату цветка... 205
Да, краткая жизнь им дана во владенье:
Пчеле не дожить и до лета седьмого;
Но род их бессмертен. И снова, и снова –
Веками – Фортуна при них: в поколенья
Есть деды дедов, и ведётся им счёт.
Царю же такой не окажет почёт
Никто: Египтянин ли, Парф ли, Лидиец 210
Из царства огромного, или Мидиец
С Гидаспа. Коль жив он, душою едины
Все пчёлы. Но мира, коль царь их потерял,
Как не было: мёд, что в ячейках, намерен
Разрушить сам рой. С ним и соты-корзины
Плетеные вмиг уничтожит пчела.
Царю лишь дивятся; лишь он их дела 215
Хранит. Рой царя обступает; шумит он,
Жужжа напряжённо; и верною свитой

Толпится вокруг. На плечах за собою
Владыку несут; и телами от боя
Царя укрывая, стремятся охотно –
В увечьях и ранах – к кончине почетной.

Пчелиный пример и такие явления
Заметив, считает иной, что в пчеле
Есть разум, то – часть божества; дуновенье
Эфира глотнула пчела. По земле
И морю идя и в небесную высь
Поднявшись – повсюду, куда ни всмотришь –
Есть бог: и в больших или малых стадах,
И в людях, во всяческих диких родах
Зверей. И конечно же всё, что рождается,
Частички мельчайшие жизни берёт,
И к ним же вернётся, и в них обратится,
Распавшись... Нет смерти на свете: живёт
Вся жизнь и потом, но к созвездьям уходит,
Взлетев и в высоком селясь небосводе...

Вскрывая же тесные ульи, сокровище –
Мёд – забирая, сначала воды ты
В уста набери, чтобы брызгать. А то ещё
Дым пред собою неси ядовитый
И едкий... А соты созреют, так надо
Два раза собрать эту жатву. Сначала –
Лишь гордо поток Океана попрала
И лик свой почтенный явила Плеяда
Тайгета земле. После делаешь это,
Когда, загрустив, помрачнела Тайгета
И, канув зимою средь вод ледяных,
Спасается бегством от Рыб водяных.
Да, ярость пчелиная – меры не знает:
Заденешь – и, яд испуская, кусает

Пчела; и оставит не видное взору
Под кожей жало. Вонзив его, скоро
На ране испустит и дух. Холодов
Ты зимних боишься? О будущем роя –
Что пчёл устранив, с разрушеньями вскрыем 240
Мы труд их – жалеешь? Так будь же готов
Тогда окурить их тимьяном; из сот
Излишек убрать восковой. Иль берёт
Кого-нибудь в этом сомненье? Тайком,
Бывает, что соты медовые съели –
Неузнаны – ящери; в воске таком
От света укрывшись, заводит постели
Себе таракан ; или трутень пристанет
К добыче чужой, сам работой не занят;
Иль шершень жестокий затеет сраженье
(А с шершнем не выдержат пчёлы сравненья 245
В бою), или злобный червяк ; или вдруг
У входов противный Минерве паук
Повесит широкую сеть. Чем обильней
Для роя потери, тем пчёлы настырней
Ущерб исправляют, спасая свою
Утраты познавшую в бедах семью:
И, соты достроив до ровных рядов,
Укрыть кладовые приносят цветов. 250

А если – ведь жизнь, как и нас, наделила
Напастями пчёл – от болезни унылой
Слабеет пчелиное тельце? Нет проще
И явственней знаков. Ты видишь: нередко
Больная пчела изменила расцветку
За миг; и лохматою стала, и тощей,
И гадкой. И мёртвых – кто света лишён 255
Навеки – тоскливый обряд похорон
Свершая, из улья несут... И у врат,

Бывает, гроздьями в безделье висят
И лапками в стены впиваются или,
Средь комнат набившись, жилище закрыли
Все пчёлы и праздно сидят, цепенея; 260
Голодные, зябнут... И гул их сильнее
Тогда, и с гуденьем протяжным нет сладу:
Так Австры в деревьях урчат леденящие
Или пучину тревожит шипящую,
Схлынув, прибой; иль огонь – за преграду
Печи посажен – горит, неустанно
И бьется... Тогда ароматом гальбана,
Совет мой послушав, окуривай пчёл;
Ты в улей чрез желоб-камыш бы провёл 265
И мёд... Каковой – угощая их лично,
Позвав обессиленных к пище привычной –
На пользу с душистым орешком чернильным
Смешай, если с розой сухою растёт он.
И сусло, сгущаясь на пламени сильном,
С изюмом (лозою псифийского сорта),
С Кекроповым тмином – во благо для пчёл.
И золототысячник – прян и тяжёл, 270
Он дышит... Есть в долах – приметный, меж делом,
Найти его просто – цветок, что «амеллом»
Крестьяне зовут: корешок полномочен
Цветы эти чашей поднять! Позолочен
Цветок; и по кругу к золотой середине
Во множестве льнут лепестки; их отлив
От пурпура меркнет в фиалково-синий. 275
[И часто, в гирлянды амелл закрутив,
Алтарь божества украшают.] Амеллы,
Что вязки на вкус, соберёт у реки
Пастух – и у вод изворотливой Меллы,
И в лысых лугах ... Провари корешки
В душистом вине, и лукошки с амеллами
Ставишь у входа пчелиного целыми. 280

Если же кто за мгновенье оплачет
Весь род их, не ведая, как возратить их,
Призвав поколение новое? Значит,
Пора мне сказать о чудесных открытиях:
О том, как пастух и наставник аркадцев
Устроил, что пчёлы из крови гнилой
Быка, что тобою зарезан, подняться
Сумеют. (Сказанье, как это с пчелой 285
Случилось, чуть ниже явлю я – всецело,
С истоков самих...) А в Канопе, что Пеллы
Наследник, где люди счастливые жили
Всегда; в тех краях, где в разлившемся Ниле
Как озеро, воды стоят, и по ним,
Бывает, в селение путь расписным
И утлым лодчонкам лишь только открыт;
В краях, где Персида-соседка грозит 290
Колчаном; в том крае, [где черный песок
Питает Египтову зелень и мчится,
Чтоб вскоре на устья – их семь – разделиться,
Из Индии смуглой текущий поток...]
Что ж, в области этой – везде – непреложно
Подобному верят искусству; надёжно
Там служит оно: и сперва в этом деле 295
Стеснённое место находят, для цели
Лишь этой пригодное; делают свод –
Нависшую крышу; стенами зажмёт
Его человек, в каждой сделав проём
Окна – чтобы свет лишь скользил – четырёх
Навстречу ветрам. Вот и время настало:
Бычка избирают – и двухгодовалый
Рожок его гнется на лбу. Он старанья
Приложит, строптив... но лишают дыханья 300
Его, и замкнут ему морду и пару
Ноздрей; и наносят удар за ударом...

Он мёртв. Под нетронутой шкурой кишок
 Избитых тогда происходит брожение.
 И заперт, оставлен в таком положенье
 Лежащий на сломанных ветках бычок;
 Под рёбрами бычьими также душица
 Со свежим тимьяном... Всё это свершиться
 Должно, лишь Зефир пошевелит водой; 305
 Пока не алел ещё луг молодой
 Цветами; под крышею, громко чирикаая,
 Ласточка гнёзд не лепила... Великое
 В жидкости нежных суставов тепло
 Становится жаром. Лишь чудом могло
 Такое случиться, но стали видны
 Живые творенья! И ног лишены
 Сначала они, только крыльями – с зудом – 310
 Трепещут. И к тонкому воздуху, в грудку
 Сбиваясь, всё выше и выше летят,
 И... хлынут, как летом из туч водопад,
 Иль Парфа – коль, ловкий, вступает в сраженье –
 Обилие стрел с тетивы в напряженье...

Так кто же, о Музы? Так кто этот бог,
 Что нам со стараньем когда-то извлёк 315
 Такое искусство? Откуда уменье
 Однажды – а ныне в быту у людей –
 Дорогу нашло своего продвиженья?
 Из Темпе Пенейской пастух Аристей
 Бежал. И беглец – так молва говорит –
 Утратив от голода или от мора
 Всех пчёл, у священного русла стоит,
 У устья Пеней. С печальным укором
 Кирену зовёт... И в унынье изрёк: 320
 «О! мать Кирена...» – пастух. «Ведь поток –
 Бурлящую эту пучину – во власти

Ты держишь... Не я ли – дитя божества
 Столь славного – (это твои ведь слова,
 Что Феба-Тимбрейца я сын?) на несчастья,
 И Року на зависть родился? О! Или...
 Для матери что-то помеха в любви
 Ко мне? Отчего?.. Повелела не ты ли,
 О, мать, мол, «небу доверяясь, живи»? 325
 И жить мне – средь смертных. Я славу и там,
 Опробовав многое, замысловатый
 И бережный труд и к плодам, и к скотам
 Направив, добыл еле-еле... Утраты
 И в этом с тобою? Не медли же! Рада
 Ты будешь деревья обильного сада
 Исторгнуть своими руками, на хлев
 Противником пламя наслать и посев
 Спалить... Истреби же мой хлеб! Замахнись 330
 Секирою грузной на тонкую кисть
 Лозы, коль тебе отвратителен стал
 Твой сын, удостоенный стольких похвал.
 О, мать...» В подводный покой глубина
 До матери зов донесла. А она
 Сидела средь Нимф. Те щипали все вместе
 Прозрачно-зелёные нити из шерсти 335
 Милетской овцы. Там Дримó и Лигэя,
 Ксанфó, Филодóка... Свободные, сзади
 Пролились волнами кудрявые пряди
 В сиянии сестрам на белые шеи.
 Там Талия с ними, Спиó, Кимодóка
 Несэя, Кидиппа, что девою чистой
 Сидела. Сестра же – с косой золотистой –
 Ты, Ликориада, впервые с жестокой
 Луцининой мукой знакома. Берóя 340
 И Клио; и дочь Океана с сестрою
 Там были... Наряды сестёр – золочёные,

Обе сидели они, облачённые
В пёстрые шкуры. Там Эфира, с нею
И Опис. Из Азии – Деиопея.
Проворная здесь Аретуса сидела
(Пока отложила охотница стрелы).
И пела Климена, как тщетны потуги 345
Вулкана, заботы его о супруге;
О Марсе, про сладость его воровства...
Любовь среди богов описала – едва
Не с Хаоса разных бессмертных влюбленных.
И слушают нимфы, стихами охвачены,
Тянут пушистую нить – как назначено –
Крутят её на своих веретёнах...
Но вновь Аристеева крика печаль
Встревожила матери слух! В изумленье
Застыли на светло-зеленых сиденьях
Все нимфы, чьи троны – прозрачный хрусталь. 350
И вот Аретуса, одна из сестёр,
Объята желаньем узнать непременно.
Главу – рыжекудрую, словно костёр –
Она поднимает из вод и... «Кирена!»
Кричит издалёка: «Напугана стоном
Столь громким недаром, сестра. Ведь твою
Заботой он вызван лелеянной. Вон он, –
Твой, видишь? – у влаги отца, у Пеней, 355
В слезах Аристей. Он скорбит бесконечно...
Тебя, о Кирена, зовет бессердечной».
Неясный и мысли пронзающий ужас
Кирену объял: «Так веди его, ну же!
Он вечного может коснуться чертога...»
Велела: и вот, расступаясь, дорогу
Просторную – юноша сможет по ней
Пройти – отворяет волнами Пеней. 360
Вода, изогнувшись – по виду, как скалы –

Вокруг замерла... И в мгновение ока
По недрам огромным уже провожала,
Вела пастуха под глубины потока.
Жилищем родительским тот потрясён:
Владенья воды открываются взору,
Звучащие рокотом рощи, озёра,
Что заперты в гротах. И, замерший, он
Увидел движенье, большое, шумящее: 365
Воду по целому миру скользящую,
Весь разделившую мир. Аристей
Идёт. Вот и Фазис, и Лик... Энипей:
Начало, откуда – бурлив и глубок –
Он вырвался. Воды отца Тиберина;
А вот Аниена текучий исток;
Гипанис, шумящий по горным стремнинам.
Узрел Аристей и Мисийский Кеик... 370
Вот бог златорогий, а ликом – как бык:
С какую средь пашен богатых рекой,
Текущей стремительно в пурпур морской,
Сравню, Эридан, твои сильные воды?
И вот под нависшие пемзою своды
В жилище вошёл он и, спрошен приветно,
Кирене ответил, о чём же он тщетно 375
Рыдает. И сёстры – обычным порядком –
Водой ему руки омыв, утереться
Затем шерстяное несут полотенце
С подстриженной ворсом, на ошупь же – гладким.
Другие же – стол отягчают едой,
И чаши приносят, с вином и водой .
Алтарь же как будто растёт. А пошёл
Он в рост от зажжённых и взвившихся смол
Панхайских... И мать велит: «Вот Лиэй 380
Меонский. Я чашу наполню. Возлей
Теперь Океану!» А после того

Она обратилась с мольбою за сына
 К тебе, Океан, ты – родитель всего,
 И к сестрам, хранящим леса и пучину.
 И в Вестино пламя, в очаг возлиянья
 Три раза свершает Кирена. И льёт
 Потоки нектара... Огня колыханье
 Трёхкратно в ответ устремилось под свод 385
 Покоев её. И опорю стало
 Душе материнской оно: и, начав,
 Сама Аристею Кирена сказала:

«Где море клокочет, где остров Карпаф,
 Живёт прорицатель Нептуна в пучине,
 Протеем зовется. Лазорево-синий,
 На рыбах по глади просторной он мчит,
 Коней же берёт он лишь с парой копыт
 И с рыбьим хвостом для своей колесницы.
 А ныне решил он опять поселиться
 В порту Гематийском и отчей своей 390
 Паллене. Мы, Нимфы, и старец Нерей
 Протею – всё знает провидец – почёт
 Оказывать рады. Что есть, что грядёт,
 Что было, он знает... Конечно, вельенье
 Нептуна такое. Провидец пасёт
 Для бога стада – и не счесть их средь вод
 Бурлящих! И жуткие с виду тюлени 395
 Пасутся при нём... Ты же старца морского
 В оковы поймай. И тогда наставленья
 Протей тебе даст о причине, леченье
 Болезни. Но знай! Не принудишь, ни слова
 Не молвит Протей-прорицатель с тобой.
 О сын, ни слезами, ни страстной мольбой
 Ответа его не добьешься. Ему ты –
 Всю силу напрягший – затягивай путы.

Держать его нужно! Коль старец из плена
Не выйдет, разрушится хитрость мгновенно. 400

Сама я – лишь Солнце зенитное в зное
Зардеет над ищущей тени скотиной,
И жажда иссушит траву – потайное
Жилище его покажу. Из пучины
Сюда он выходит, жарой истомлён.
Легко подобраться к лежащему, сон
Протея сморил... Но схватив, Аристей,
Руки не ослабь, не ослабь и оковы! 405

Сбегая, меняет он снова и снова
Обличья и виды различных зверей.
То вдруг уподобится дикой свинье
С торчащей щетиной, то – страшной тигрице.
То – змею большому в его чешуе,
То – с огненно-рыжею гривую львице.
С шипеньем и треском рванётся, как пламя,
Прозрачной струей потечёт меж узлами... 410
Чем больше вещей пред взором пройдут,
Тем крепче, о сын мой, объятия пут,
Пока он не станет таким, как когда-то
Уснул пред тобою, лишь дрёмой объятый».

Вот так говорит. А сама поскорее 415
Всё тело дитя своего, Аристея,
В амброзий душистый, лия, облачила...
И сладостен запах в его волосах
Завившихся в кудри; в руках и ногах
Явилась послушная гибкость и сила.
В скале, что протерта водою, дыра
Зияла огромная. В полости грота
Бывает, что воду загонят ветра;
Выходит же парю водоворотов 420
Оттуда вода; и подчас среди вод

Спокойную гавань найдет мореход...
 В убежище этом – и скрылся Протей
 За мощной оградой камней-крепостей.
 И прячет Кирена в тени пастушка
 В том гроте. Скрывают её облака:
 Невидима, стала поодаль... И мчится
 Мучитель иссушенных жаждой индийцев, 425
 Пылающий пламенем Сириус; Солнца
 Огонь половину пути кругового
 Прошёл, половина ему остаётся.
 И сохнет трава. У потока пустого
 Иссušены глотки, виднеется ил.
 Иную же реку, нагрев, вскипятит
 Луч Феба... К пещере своей под горой
 Протей – как обычно, полднейной порой –
 Явился из волн. За Протеем идет
 Прыжками неловкими мокрый народ 430
 Из моря безбрежного: брызгами с тела
 Морская, горчащая соль полетела...
 На берег уже за тюленем тюлень
 Ложится устало. А сам прорицатель –
 Как стадо считает и гор обитатель,
 Пастух, лишь коров потухающий день
 В хлева пригоняет, и волки ярятся,
 Под вечер манящее бляенье агнца
 Услышав, дразнящее их аппетит – 435
 Так, нерпу считая, средь стада сидит
 Протей на скале. Наблюдая за ним,
 Глядит Аристей: тот уж лёг... уязвим!
 Он бросился с криком, схватил старика,
 И обнял – сцепилась с рукою рука.
 Протей же – он помнит о силе своей – 440
 Его поражает в ответ чудесами
 Различными: вот обращается в пламя,

В ужасного зверя, в текущий ручей.
Но видит, что хитрость – ни эта, ни та –
Ему не добудет побега. И он
Собой обернулся. Протей побеждён,
Протей отворил человечесьи уста:
«И кто? – вопрошает, – о, юный нахал,
Придти повелел и тебе указал, 445
Как можно пробраться к Протею в жилище?
Ну, что тебе нужно? Чего ты здесь ищешь?»
«Ты сам это знаешь, – пастух отвечает, –
Ты знаешь, Протей! Ведь того не бывает,
Что старца, такого как ты, проведешь.
А ты, так оставь ухищренья и ложь.
Богами я послан. Согласно наказу
Пришёл я узнать про беду – про заразу! –
Твоё прорицанье». Умолк Аристей.

И с силой в ответ – наконец-то – Протей 450
Вращать начинает сверкающим оком
Лазорево-серым... Решённое роком,
Скрипя челюстями, рассказывать начал:

«Божественный гнев на тебя – не иначе –
Ниспослан. И мечь велика божества:
Несчастный Орфей, хоть едва такова
Провинность твоя, наказание тебе –
И было оно не противно судьбе. – 455
Наслал... Он безудержен в горе великом,
Супругу утратив свою, Эвридику.
Она от тебя убегала! Стремглав
Неслась, Аристей, вдоль потока она.
Огромного змея – что жил среди трав,
У берега – юная эта жена
Коснулась ногою случайно... И хор
Подружек-Дриад наполняет с тех пор

Рыданием горы: и плачут над нею 460
 И скалы Родопы, и высь Панагеи;
 И Геты; и Ресово царство, где Марс
 В почёте; и Гебр; и слеза пролилась
 Актейской Орифии. Сам же влюбленный
 Один на пустом побережье. Супруг
 Лишь лирой своей, черепахой долблёной,
 Любовь, что отныне – и боль и недуг,
 Утешить желает. Тебя он поёт,
 Тебя, Эвридика, супруга Орфея.
 О, милая, с песней он только твоею, 465
 Уходит ли день, или солнце встаёт.
 В Тенарово жерло влюбленный стремится
 Свой шаг, не пугает идущего Дит,
 Глубокий чертог. И к объятой туманом,
 Чернеющей ужасом роще и к манам
 Идёт он; к царю, что в трепещущий страх
 Повергнет любого, чьё сердце – навек
 Глухое к прошениям – в горьких мольбах
 Смягчить не сумел ни один человек. 470
 И вот, потревожены пением лиры,
 К нему из Эреба, подземного мира,
 Прозрачные тени выходят: бесплотны
 Лишь призраки живших когда-то... И сотни
 Их там, словно птиц, что в листве средь кустов
 Сидят, если вечер иль с горных хребтов
 Дожди наступают морозной порою.
 Там матери чьи-то. Мужи. И герои, 475
 Могучие силой и телом, средь мрака
 Безжизненны ныне. Не знавшие брака
 Там девушки; мальчики, дети почти;
 И молодость также – детей отнести
 Случилось на их погребальный костёр
 Родителям... Видел родительский взор

Сожжение сына, и видел кончину
Его... Все явились, кто пленник пучины
Коцита, кого навсегда охватил он
Своим безысходно чернеющим илом,
И жутью прибрежных своих тростников,
И водами всем ненавистных болот;
Кого – целых девять разливший кругов
По царству подземному – Стикс стережёт. 480
Застыла, внимая, и Тартара твердь,
В глубинах своих приютившая Смерть,
И Фурии... Змеи – их кудри!.. темны
И в сине-зелёный клубок сплетены.
И Кербер три пасти сомкнул изумлённо.
Стих ветер. Стоит колесо Иксиона.
Но вот устремился обратно влюбленный
Орфей, избежавший несчастий и бед. 485
За ним Эвридика. Жене возвращенной
К дыханью земли подниматься на свет
Лишь следом за мужем – наказ Прозерпины.
Но – разве разумна любовь? – на мгновенье
Безумьем объят он. Орфей, и повинный,
Ты жалость снискал бы! Увы. Сожаленья
Не ведают маны. Пред самой землею,
У света Орфей замирает. Наказ 490
Забыв, Эвридику увидеть сейчас
Желает, пленённый своею душою
И... тщетны усилья его: с этих пор –
Уж трижды грохочет Аверн! – уговор,
Скрепленный с жестоким подземным владыкой,
Нарушен. И молвит ему Эвридика:
«О, кто погубил нас? Тебя, мой Орфей,
Со мною, несчастной супругой твоей? 495
Безумье жесткое! Слышится мне:
Зовут меня снова. Опять в полусне

Смыкаются очи, блуждает зрачок...
 Прощай же навеки. Безжалостен Рок:
 В бездонную ночь уношусь. И, слабея,
 К Орфею ладони тяну. Но твою
 Не буду, Орфей...» И уже убегает,
 Как дым, что прозрачными струями тает,
 Лишь с ветром сплетётся. Отныне Орфею – 500
 Он ловит руками лишь тени и мрак
 Напрасно, и многое хочется так
 Супруге сказать... – не увидеться с нею.
 Паромщик Плутонов? Ужель разрешит он –
 О, нет! – по болотам, широко разлитым,
 Орфею опять перебраться в челне?
 Что делать? Об отнятой дважды жене
 Рыдая, куда устремиться? Слова
 Найти ли? Какие молить божества?
 Иль Манов?.. Она же плывет от Орфея 505
 В убогом стигийском челне холодея...
 И семь – и не менее – месяцев пел он,
 В слезах сокрушаясь. Молва говорит,
 Орфей – под скалой ли, что к небу взлетела,
 У волн ли, что Стримон безлюдный влачит –
 Всё пел... Изложением горькой судьбы
 Смирялись и тигры. И лира звенела
 В тенистых пещерах, и даже дубы 510
 В ответ шевелились. Скорбя, Филомела
 С такою же мукой оплачет утрату,
 Птенцов – их нашёл бессердечный оратай
 И, голых и слабых, забрал из гнезда...
 В тенистых ветвях тополиных тогда
 Рыдая, поёт и поёт соловей,
 И жалости просит пронзительность пенья;
 И он наполняет – в близи, в отдаленье –
 Пространство надгробною песней своей. 515

Венера и брак не властны над Орфеем.
Один он блуждает. И к Гипербореям
Во льды и к Рифеям, – ужели вдовой
Покинет их снег? – в Танаис снеговой
Идет, и утрату – свою Эвридику –
Поёт, и со скорбью о том говорит,
Что даром, увы, наделил его Дит
Напрасным, что цели своей не достиг он...
И дар от Орфея в ответ – сторонится
Киконянок он. И среди действий полночных – 520
Тайн Вакха и жертв – О! Орфея на ключья
Тогда растерзали Фракийские жрицы.
В степях разбросали Орфеево тело
И голову в бешенстве с мраморно-белой
Орфеевой шеи сорвали... Тогда
Она – Озагрова Гебра вода
В воронках крутила её и несла –
«О, горе мое, Эвридика!..» – немея, 525
Кричала. Но стынут уста у Орфея,
И с криком последним душа отошла...
А зов «Эвридика!» доносится снова
Далёко по руслу потока речного».

Лишь молвив, Протей совершает прыжок
В пучину, воронкой и вихрями пены
Ныряя, волнует глубокий поток...
И в страхе пастух! Но на помощь Кирена 530

Явилась. «О, сын! – начала, – Аристей,
Забудь про заботы. Печали твоей
Открыта причина. Пчелиного мора
Виновницы Нимфы: в нехоженных чашах
Они хороводы водили в ту пору
С самой Эвридикой. Смиранный, просящий,

Дары поднеси им, о мире для пчёл
 Моли! Стережущие чашу и дол 535
 Богини мягки и отзывчивы. Милость
 Окажут они, умеряя гневливость.
 А как упросить, объясню, Аристей:
 Четыре быка тебе нужно. Избрать их
 Ты должен по мощному телу и стати,
 О, сын – из твоих, их зелёный Ликей
 Пасёт. И к тому же с вершины Ликей
 Телиц четырёх, чья не ведала шея 540
 Ярма... И четыре, дитя, приготовь
 Для них алтаря. И у храмов богинь
 Из бычьего горла священную кровь
 Прелей, Аристей! После туши покинь
 Лежащими в роще тенистой... Но скоро
 Вернись, как девятая выйдет Аврора,
 В ту рощу. Даров поминальных, однако,
 Возьми для Орфея: Летейского мака, 545
 Овцу чернорунную... Пусть усладится
 Его Эвридика закланной телицей».

Немедля он сделал, как Нимфа велела:
 У храмов воздвиг – то указано ею –
 Алтарь. И по стати и мощному телу 550
 Быков и телиц, чья не ведала шея
 Ярма, по четыре привёл он. И скоро,
 Как только девятая вышла Аврора,
 Он в рощу пришёл с приношеньем Орфею.
 И вот – рассказать я едва ли сумею
 О чуде неожиданном – подходит он ближе
 И видит, что пчёлы в растекшейся жиже 555
 Бычачьих кишок загудели... Вскипев,
 Роятся средь сломанных рёбер и чрев;
 Подъемлются тучами к древу; вершины
 Уже достигают. И вот воедино

Слились и разбухшею гроздью своей
Повисли среди гибких, послушных ветвей.

Что ж? Ныне пропел я стихи об уходе
За полем, скотом, и деревья, и сад
Воспел. Той порою глубокий Евфрат 560
Наш Цезарь великий в военном походе
Перуном разил. Учреждал и закон –
Согласно с пленёнными – властью своею.
И в путь на Олимп устремляется он.
Меня же – Вергилия – Партенопея,
Сладчайшая муза, тогда опекала:
В приятном досуге со славою малой
Я жил, процветал, напевая, шутил
Пастушеской песней. То – юности пыл: 565
Тебя воспевал я, о Титир! И пенье
Лилось под раскидистой буковой тенью.